

ЭТО НАШ МАСКАРАД

Саша Егоров ворвался в мою жизнь с телеэкрана и с тех пор незримо присутствует рядом со мной всякий раз, когда звучит музыка. Он стал для меня не только крупным явлением истинной культуры, но и образцом гражданского мужества. Егоров сделал попытку остановить растление общества тотальным террором пошлости и бесстыдства.

Триумф Егорова в Ялте — его Гран-при — окрылял. Саша оказался настолько силен, что пробил даже стереотипное сознание мошеров нашего шоу-бизнеса. Казалось, еще немного, и отечественная эстрада — могучий фактор формирования массовой психологии — свернет наконец в русло настоящей культуры...

А после конкурса «Ялта-90» Егоров исчез. Сначала я бесился, ругая черными словами эстрадных воротил. Потом решил: его зажимают нарочно, чтобы дать дорогу американизированным шутам и девочкам без комплексов. Со временем мне стало казаться, что я просто выдумал для себя Егорова — нестигаемого бойца духовного фронта, что его нет, не могло быть в этом пустом и грязном мире. Действительность оказалась сложнее и проще...

Он вырос на Украине, в маленьком городке, где господствовал культ насилия. Рано стал взрослым — жизнь не баловала безотцовщиной. Его недолюбливали: слишком часто в школе он оказывался эрудированнее учителей, слишком легко со всеми ниспровергал мнения местных кумиров. Таких обычно бьют и травят. Но заставить Егорова было непросто.

...Первое стихотворение Саша написал в 10. Еще по-детски неуклюжее, оно звучало как моральный кодекс.

Я уеду в край, где нету
глупых, злых и бедных,
Где всегда весна и роли
не играют денеги.
В стране той нет больных,
там тюрьмы просто
не нужны.
Там счастливы все люди
и равны...

Когда подросток, Саша поступил в подпольную секцию каратэ. Дикое напряжение тренировок, схватки без ограничений в правилах — беспощадная наука выживания. Егоров стал сильным не только духом. И тогда же сформулировал свой девиз: «Если можно не бить, уходи. Если не бить нельзя — бей первым».

Окончив восьмилетку, Саша получил блестящую характеристику: «Умен. Агрессивен. Неуправляем. Умеет вести за собой» — и еще две страницы подобных определений. «Спасибо», — сказал он на прощание учителям, — передо мной теперь любые двери открыты». «Если все одного не любят, значит, у него своя дорога», — напишет он позднее о том времени в великолепных стихах «Бомжи». Свою дорогу Егоров выбрал именно тогда, нелегкую дорогу духовного бомжа, не желающего считаться с любой системой ценностей, кроме той, которую принимает его совесть. Именно тогда Саша понял, в чем его предназначение: он должен нести свою правду людям, должен петь.

Он уехал в Киев к матери и отчиму. Но не ужился с ними, ушел из дома. С тех пор Егоров стал бомжем не только по духу. Ему было 16, он уже выступал в престижных ресторанах. Криминально-кабачный Киев перемалывал молодого певца в своих жерновах.

Хохочи неважнопад
Иль пляши до упада —
Это наш маскарад,
Нам другого не надо!

Однажды, придя на тусовку, он увидел парня в потертой кожаной куртке, рваных джинсах и разбитых туфлях. Парень говорил, а все слушали его, раскрыв рты. «Ты кто?» — спросил Егоров. «Я — бомж!» — ответил Павел. «А я куда тогда?» — усмехнулся Егоров.

Если у друзей чужие лица —
Значит, они хотят расстаться.
Если на юг улетают птицы —
Значит, кто-то должен остаться здесь...

Они остались оба. Два бомжа навсегда остались вместе и уже не расставались. У Олишевского был раздолбанный старый автомобиль, настоящий рыдван, на котором они вдвоем колесили по городу и стране.

Кто-то из знакомых предложил Саше подать заявку на «Юрмалу-90». Тогда конкурс еще назывался так, это потом его перенесли в Ялту. Егоров опросил всех, кого мог, и когда в сотый раз получил ответ, что лучший аранжировщик Киева — Сашин тезка, некий Клепов, отправился к нему. «Будем работать вместе», — сказал Егоров. — Начиная. «Я привык работать один», — возразил Клепов. — Приходи через три дня. «Теперь ты будешь работать по-другому», — ответил Егоров и сел рядом...

По пути в нинуда,
Выйдя из нютнуда.
Ты приходишь сюда
В ожидании чуда.

Чудо они сотворили вдвоем: Егоров, Клепов и звукоинженсер Аркадий Вихорев. Фонограммы были сделаны в кратчайший срок и на высшем уровне. Сашу включили в состав участников конкурса. Теперь оставалось одно — победить. Но в победе два киевских бомжа не сомневались.

И тут пришла беда. Блицем вспыхнуло искаженное от ужаса лицо матери. Нож, насквозь пробивший материнскую руку, краткий и путаный рассказ о приятеле-рецидивисте, у которого была в гостях и который попытался ее убить, башенная гонка на машине по городу — все это слилось в Сашиную память в единый поток тревоги и ярости...

А развязка проста
У хмельного расклада.
На душе пустота
От того маскарада.

Егоров помнил свой девиз. Он не хотел бить. Но и уйти — не мог. Человеку, посягнувшему на жизнь матери, нужно было дать понять — зло в этом мире не остается без возмездия, будь ты хоть трижды крутой блатняк. Саша знал, что сможет сделать это и без кулаков, но вышло иначе. Перекошенная уголовная рожа, грязный мат, занесенный нож. В считанные мгновения в мозгу двадцатидвуухлетнего бомжа пронеслась вся его жизнь. Подъезды, подворотни, смертельные драки на пустырях и ночных улицах, морды, морды, морды подонков, ломающих сотни жизней, поплыли в глазах. Захлестнула ненависть, разум померк, а руки сами взметнулись боевым вихрем...

Егоров очнулся через девятнадцать секунд, но было уже поздно. Безнадежно поздно... Он только сейчас осознал, что бил на поражение. «Я буду жалеть об этом всю жизнь», — сказал Саша Павлу, садясь в машину. — Это человек умрет, я знаю. И пристально взглянул в глаза друга. Едва заметно вздохнув, тот лишь сильнее сжал баранку. Он уже тогда был больше, чем другом. Он уже тогда все понимал и остался верным до конца. Единственным. Сдаваться они пришли вместе. Добровольно.

Когда вместо слез из глаз
нападает кровь,
Когда нет просвета, одна
непроядкая ночь
И грязным ботинком
растоптана
чья-то любовь, —
Я видел все это в тюрьме.
Я не смог им помочь...

Певец-убийца. Что тут мож-

но сказать? Страшно... Ребята смогли добиться отсрочки ареста, но Егорову пришлось написать признание, где его преступление квалифицировалось как куда более тяжкое, чем на самом деле.

«Я выиграю конкурс. Теперь не имею права не выиграть», — очень спокойно говорил Саша. Павел, не по годам рассудительный, смотрел на бледное лицо друга и думал: «Сможет ли он выдержать все это и остаться собой, не озлобиться, не озвереть, не опустить руки? Если не сможет — прощай, музыка, прощай, надежда...» До ареста оставалось двадцать дней.

Бомжи! Выходите
из ваших подвалов.
Бомжи! Я без вас один.
Бомжи! Будем мы танцевать
на вокзалах
Тоталитарный рэп,
коммунистический рок!

Эти строки прорвут сладкий пафос августовской Ялты, вонзятся в предрасположенные к отдыху мозги курортной публики. Изломанный танец бомжа, его стон, срывающийся на крик, заставит вздрогнуть выдавшееся виды юри. Двенадцать баллов! Двенадцать...

Первый тур. Победа. А в голове у Саши и Павла одно — до ареста 6 дней. Второй тур. Победа. 5 дней...

«Что это за девочка все время наступает мне на пятки? По баллам догоняет. Крутая. Кто она?» — спросил Егоров у Павла перед третьим туром. Олишевский усмехнулся: Саша в последнее время не замечал ничего вокруг себя. «Это Росита Чивилите из Литвы. За обедом сидит напротив нас. Певица высшего класса. Обрати внимание». Саша обратил...

Егоров никогда не считал себя ловеласом. Конечно, в его жизни были женщины, но ни одна из них не смогла выдержать жесткий характер, бытовую неустойчивость и бескомпромиссную жизненную позицию поэта-бомжа. Когда-то он написал со злой иронией:

Молодая змея
В новополитной юбке
Идет, кому из зверья
Сдать себя подорожке...

Казалось, все они такие. А так хотелось встретить Ее, единственную, верную и непроданную, способную избавиться, наконец, от вечного гнетущего чувства внутреннего одиночества, от которого не спасал даже лучший друг.

Саша взглянул на Роситу и понял: это Она. Сколько раз он читал подобную фразу в романах, не веря, что так бывает. А тут как ударило. Уже почти полученный Гран-при, грядущее следствие, суд, тюрьма — все отошло на задний план. Победив на конкурсе, Егоров собирался честно отправиться в заключение. Но Росита вывернула его душу наизнанку.

Она была замужем, воспитывала дочку. Ничто не остановило. После третьего тура обладатель Гран-при и обладательница первой премии «Ялта-90» распили вместе бутылку вековой выдержки, полученную ими

в качестве приза. У них была одна ночь...

Ты выдержишь боль смогла,
Я вскоре увидел небо.
И наши уста слились
возле стен тюрьмы.
Недолго любили мы.
Должна ты была уехать.
Расплавленный визг
ревущих винтов
Порвал мой крик...

Его арестовали не сразу. Слишком гордилась Украина своим победителем, слишком большой шум подняли вокруг него газеты. Росита за это время успела развестись, приехала в Киев. Их жизни сплелись в единый узел...

Но от судьбы не уйдешь. В декабре Сашу взяли. Он мог получить от 10 лет до расстрела. Но — Росита, Росита — стучало сердце. Он изменил свои первоначальные показания. Рассерженные следователи отправили его в психбольницу тюремного типа — на проверку, которую проходят все убийцы. Но Сашу поместили в палату для буйнопомешанных...

Позже он записал в дневнике: «Когда я увидел все это, то понял, что попал в ад. Здесь не спасало даже верное каратэ. Саша обрюзг, стал приваливать ногу, одурманенная голова отказывалась думать. В минуты просветления созрело решение: бежать. Иначе Роситы не видать уже никогда. Иначе сломают, превратят в животное».

Ему удалось связаться с Павлом. Удалось достать ключ, открывавший все двери в больницу. В условленный день Егоров выбрался из палаты и помчался по коридору, сшибая с ног пытавшихся помешать ему санитаров. На волю, к Росите, к жизни...

На него был объявлен всеобщий розыск. А он вместе с Роситой и Павлом колесил по стране, спасаясь от идущих по пятам сыщиков. Именно тогда Саша написал песню «социального плебея» — «Я болен СПИДом».

Неудержимый страх
Я вижу в ваших глазах.
Не кричите — я сам уйду.
Жрите мою беду...

И все же тогда он был счастливым. Свобода — пусть опасная, но свобода, рядом лучший друг, а главное — любимая женщина, вступившая ради него на страшный путь. Росита казалась Егорову женой, когда потерянной и вновь найденной. Они как бы воссоединились после долгой разлуки и обрели душевную целостность. Дочь Роситы представлялась ему собственным ребенком. ...Они выступили в качестве гостей на «Ялте-91» — отчаянная выходка в духе Егорова. Милиция обкладывала их со всех сторон, а Саша с Роситой дуэтом пели на весь Советский Союз о своей любви.

Листья... Кто тогда
поставил точку?
Я семь лет не видел дочку.
Кан она? Большая...
Расскажи ей все, что
просит,
Как я вас когда-то бросил,
Пусть об этом знает
осень...

Через год постоянного бегства Саша понял: дальше это продолжаться не может. Такая свобода обрекает его на молчание надежнее, чем тюрьма. Не поет Росита, Павел лишен нормальной жизни. Егоров, уже не скрываясь, вернулся в Киев.

Арест не заставил долго ждать. Позже Саша напишет в дневнике: «Массивные стальные двери закрылись за моей спиной, в тот момент я почти физически почувствовал, что умер». Росита каждый день приходила к стенам тюрьмы, ожидая, не подает ли он какой-нибудь знак. Официальные свидания были редки.

Я знаю, ты не придешь,
Я знаю давно об этом,
Но все же смотрю сквозь
ржавых решеток сталь.
Тебе прибалтийский дождь
Проплачет о нашем лете,
А шестелесты расскажут
о том,
Как я устал.

...От них требовалось невозможное. Росита собрала столько денег, сколько была в состоянии достать. Павел продал все, что имел. Они сумели нанять адвоката из так называемой «золотой пятерки» — из тех, кто не проиграл ни одного дела. Но это еще не гарантировало успех.

Незадолго до суда Павел сказал Росите: «Кончай рыдать сутки напролет. На суде он должен увидеть тебя красивой». Она кивнула не возражая.

...В зал Егорова доставили пятеро конвойных. Его заперли в «клетку». «Опасный преступник, склонный к непредсказуемым действиям», выглядел подавленным. Он поднял печальный взгляд. Из толпы на него смотрели сияющие глаза любимой. Ее красота как бы перекрывала мрачность происходящего. А рядом с ней стоял Пашка, верный Пашка, искушавший до предела, но улыбающийся улыбкой Сталлоне. И тут Егоров засмеялся. Радостно и облегченно.

Адвокат Лариса Викторовна Умнова блестяще провела защиту. Она доказала, что Егоров совершил убийство в состоянии сильного аффекта. Приговор звучал водопадом счастья: два года «химии».

Свобода... Это сладкое, это горькое слово... Саша вернулся в совсем уже другую страну, чем та, в которой прожил всю жизнь. Самостоятельный Киев спешив не замечал русскоязычных песен Егорова. А в России пронзительные жучки шоу-бизнеса успели сформировать нужный им вкус публики, варнее, насадить безвкусицу. Егорову нужно было работать. В него верил Павел, верил и ожидал разгромной атаки на попу. А главное, в поддержке нуждалась Росита. В этой новой беспощадной жизни ей просто необходимо был успех Егорова, его прорыв в «звезды» первой величины, его сильное плечо. Он чувствовал, что обязан избавить ее от всех невзгод, из-за которых страшно за завтрашний день. Но Саша устал... Три года нечеловеческого напряжения не прошли даром.

Прощаясь со мной на вокзале, Егоров сказал: «Пойми, главное в моей жизни — не пафос, не риск... Главное — это она. Она — лучшая часть моей жизни, все, что у меня есть. Великая певица, светлый человек... Я хочу, я должен ей помочь, а я не готов... Мне надо восстановиться, стать таким же сильным, как раньше. Необходимо время. Я надломлен, но пока не сломлен».

Саша! Поверь, ты нужен не только Росите и Павлу. Ты очень нужен России, ее людям. Пусть они пока об этом не знают. Но ведь ты — Егоров, великий русский бомж! Ты сумеешь взорвать атмосферу всеобщего отупения. Я в это верю.

Д. ЩЕРЕБАКОВ.

Фото В. КАПРАЛОВА